

⁶ Protokoll der Sitzung des Parteausschusses. Berlin, den 13. Dezember 1918. Berlin, o.j. S. 1; Deutsche Geschichte 1918–1933. Dokumente zur Innen und Aussenpolitik / Hrsg. W. Michalka u. G. Niedhardt. Frankfurt-am-Main, 1992. S. 43–44.

⁷ Verhandlungen der verfassungsgebenden Deutschen Nationalversammlung. Stenographische Berichte. Bd. 352. Berlin, o. J. S. 5484. (Далее – Nat. Vers.).

⁸ Vorwärts. 1919. 23. Januar.

⁹ Nat. Vers. Bd. 352. S. 5492.

¹⁰ Hausmann C. Schlaglichter. Reichtagsbriefe und Aufzeichnungen. Frankfurt-am-Main, 1924. S. 276.

¹¹ Vorwärts. 1919. 6 Februar; Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschland, abgehalten in Weimar vom 10. bis 15. Juni 1919. Berlin, 1919. S. 55–56.

¹² Severing C. Mein Lebensweg. Bd. I. Vom Schlosser zum Minister. Köln, 1950. S. 237.

¹³ Scheidemann Ph. Memoiren eines Sozialdemokraten. Mit 22 Bildern. Zweiter Band. Dresden, 1928. S. 360.

¹⁴ Keil W. Erlebnisse einer Sozialdemokraten: In 2 Bd. Bd. 2. Stuttgart, 1948. S. 171; Brecht A. Aus nächster Nähe. Lebenserinnerungen 1881–1927. Stuttgart, 1966. S. 165.

¹⁵ Nat. Vers. Bd. 326. S. 48.

О.В. ТЕРЕХИНА

«МАСАРИК И РОССИЯ» В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920–1930-х гг.

Томаш Гарриг Масарик (1850–1937) является, несомненно, центральной фигурой чехословацкой истории XX века. Он смог добиться признания и как литератор, и как философ, и как социолог, и как политик. Имя этого профессора философии Карлова университета в Праге стало известным в политических кругах еще в 80-е гг. XIX века. Являясь автором целого ряда книг по философии, социологии, истории и став одним из видных чешских идеологов, Масарик одновременно был и политиком-практиком.

В итоге именно в политической сфере его заслуги получили наивысшую оценку. Т.Г. Масарик вошел в мировую историю, прежде всего, как один из создателей независимой Чехословакии и первый президент Чехословацкой республики. Он пребывал на этом посту с 1918 по 1935 гг. и ушел в отставку в возрасте 85 лет по состоянию здоровья¹, превратившись для своих сограждан в символ независимости и демократии².

Но мировую известность ему принесла не только столь яркая политическая карьера, но и научная деятельность. В начале XX века Масарик в глазах своих современников был крупнейшим специалистом в области славянской проблематики. Его приглашали для чтения лекций в Чикагский университет, Санкт-Петербургский университет избрал его своим почетным профессором, к его мнению прислушивался австро-венгерский парламент, во время Первой мировой войны и после нее с ним консультировались по вопросам государственного устройства восточноевропейских стран дипломатические представительства стран Антанты и американский президент В. Вильсон³.

Значительное место в научных и философских изысканиях Масарика занимала тема России, и российский материал часто служил для него основой в рассуждениях о самых разнообразных, нередко более широких, чем чешский, русский или славянский, вопросах. Причем Россия привлекала внимание Масарика-мыслителя, озабоченного проблемами современного ему общества, именно как часть этого современного мира, и даже обращение к историческим сюжетам должно было предоставлять материал для рассмотрения проблем современности.

В 1881 году впервые была издана защищенная в 1878 г. в Вене диссертация Масарика на соискание звания доцента «Der Selbstmord als soziale Massenerscheinung modernen Civilisation» («Самоубийство как массовое социальное явление современной

цивилизации»). И уже в ней Масарик использовал материал для анализа проблемы самоубийства, в том числе и российский. В 1889 году была опубликована его работа «Slavjanofilství Ivana Vasiljeviče Kirějevského» («Славянофильство Ивана Васильевича Киреевского»), которая должна была стать первой частью большого цикла, названного им «Славянские исследования». Этот труд, посвященный учению русского славянофила, был написан Масариком в период, когда он наиболее активно работал над решением чешского вопроса с точки зрения культуры, науки, образования.

На многие события и проблемы российской политической и культурной жизни Масарик активно реагировал на страницах газеты «Час» («Čas») – «Время». В 1891 году в статье «К русско-польскому спору»⁴ он не только обратился к проблеме сложных взаимоотношений двух славянских народов, но и рассуждал о национальной политике в Российской империи и о возможностях решения польского вопроса в сложившейся тогда международной обстановке. К теме внешней политики России и возможности решения чешских и австрийских проблем с российской помощью Масарик обратился в 1891 г. в своей речи в Страконицах, выдержки из которой и комментарии к ним были опубликованы в газете «Час»⁵.

В 1892 году была опубликована статья Масарика «Очерк о Ф.М. Достоевском», задуманная как рецензия на издание на чешском языке «Записок из Мертвого дома» и превратившаяся в восторженный отзыв о творчестве русского писателя вообще. В 1932 году с разрешения Масарика было предпринято переиздание этой работы⁶.

Кроме того, Масарик в 90-е гг. XIX в. использовал российский материал в своих работах, посвященных чешскому вопросу: Česká otázka («Чешский вопрос»), Naše pupější krize («Наш современный кризис»), Karel Havlíček («Карел Гавличек»). Российская тематика присутствует и в его книге «Otázka sociální» («Социальный вопрос»).

Но главной работой Масарика о России стал фундаментальный труд «Россия и Европа». История создания и многочисленных переводов этой книги представляет собой отдельный и очень любопытный сюжет. Отметим лишь, что первые два тома этого труда с подзаголовком «Исследование духовных течений в России» были впервые изданы в Йене в 1913 г. на немецком языке, а полное трехтомное чешское издание труда «Россия и Европа»⁷ увидело свет уже в 1996 году.

В настоящее время сочинение Масарика «Россия и Европа» представляет собой трехтомное произведение в четырех версиях. В первом томе содержатся краткий очерк истории России и разбор философии истории и философии религии П. Чаадаева, западников и славянофилов, А. Григорьева и А. Герцена. Второй том тоже посвящен анализу развития российской философии. В третьем томе Масарик обращается к литературно-философским проблемам и течениям, особое внимание уделив Ф.М. Достоевскому, которого, по сути, он считал центральной фигурой всего трехтомника.

К российской тематике Масарик обращался, будучи президентом Чехословакии, в своих работах «О большевизме»⁸, «Новая Европа»⁹, «Славяне после войны»¹⁰. Особое место здесь принадлежит двухтомнику «Мировая Революция»¹¹. Эта книга представляет собой воспоминания Масарика о событиях Первой мировой войны, о создании независимой Чехословакии. Естественно, что много внимания в «Мировой революции» было уделено событиям в России, непосредственным свидетелем которых Масарик был с осени 1917 по весну 1918 гг., его деятельности, связанной с созданием знаменитого чехословацкого корпуса. Но в этом произведении Масарик не ограничивался лишь изложением событий. Он вновь обращался к волновавшим его на протяжении всей жизни темам, в том числе к проблеме мессианизма, религиозному и славянскому вопросам, проблеме самоубийства. Здесь же Масарик объяснял позицию по отношению к России, которую он занял в годы войны.

Своими размышлениями и воспоминаниями, в том числе и российскими впечатлениями, президент Чехословакии делился с записавшими их К. Чапеком и Э. Людвигом. Оба позднее познакомили со своими записями Масарика и оба получили от него разрешение на их публикацию.

«Беседы с Масариком» Э. Людвиг были опубликованы в 1935 г. на немецком языке¹². Но гораздо большую известность приобрели «Беседы с Т.Г. Масариком» К. Чапека. Они создавались с 1926 по 1935 гг. и сначала четыре главы «Бесед» были опубликованы отдельно: первая, «Молодые годы», – в 1928 г., вторая, «Жизнь и работа», – в 1931 г., третья, «Мышление и жизнь», и четвертая, «Молчание с Масариком», – в 1935 году. В марте 1936 года эта книга была опубликована полностью, а в 2000 г. увидел свет русский перевод «Бесед с Т.Г. Масариком», осуществленный именно по этому изданию¹³.

Необходимо подчеркнуть, что о Масарике, в силу значительности периода его научной и политической активности, многогранности его деятельности и значимости его фигуры для истории Чехии, создана чрезвычайно обширная литература.

То, что этот яркий человек соединял в себе качества как политика, так и мыслителя, позволяет исследователям оценивать его как личность уникальную если не в мировой истории, то, во всяком случае, в истории государств Восточной Европы межвоенного периода¹⁴. Еще З. Неядлы подчеркивал, что Масарик был не только философом, практически применявшим свои теоретические познания, но и политиком, основывавшим свою политику на научном познании, на философии¹⁵.

Впрочем, в чешских научных кругах авторитет Масарика был велик еще до Первой мировой войны, и это нашло отражение в юбилейном сборнике статей, посвященном Масарику-ученому и опубликованном в 1910 г., то есть в год его шестидесятилетия¹⁶. И уже в этом сборнике внимание исследователей привлекла к себе, среди прочих, тема «Масарик и Россия». В статье К. Велеминского, основанной на материалах, вышедших из-под пера Масарика в 80–90-е гг. XIX в., юбиляр предстал перед читателями как самый смелый в Чехии пропагандист русского реализма и духовный сын Достоевского¹⁷. Впрочем, обращения Масарика к российской тематике получали достаточно высокую оценку еще в XIX в., например, от Г. Шауэра, статья которого о «Славянских исследованиях» Масарика впервые увидела свет в 1890 году¹⁸.

В межвоенной Чехословакии популярность Масарика была чрезвычайно велика, и до 1938 г. он воспринимался здесь как «отец страны», фигура поистине культовая. Ярким свидетельством тому могут служить многочисленные восторженные отзывы о личности и деятельности Масарика в сборниках, посвященных его 70-летнему и 80-летнему юбилеям.

Масарика прославляли как «президента-освободителя»¹⁹, «разум чешского освободительного движения»²⁰, «Первого Гражданина Чехословацкой Республики, Первого Рабочего нашего Государства, Первого Стража Просвещения, Первого Воина Мира»²¹. Конечно, столь красочные эпитеты во многом были связаны с тем, что содержащие их материалы посвящались юбилею действующего президента страны и были далеки от серьезного научного анализа. Но реальные заслуги Масарика в деле создания независимой Чехословакии действительно были очень велики, и это нашло отражение в научных публикациях 20–30-х гг. XX века²². В целом в межвоенной Чехословакии преобладала апологетическая литература о Масарике, хотя критическая линия тоже присутствовала²³.

Исследователи 1920–1930-х годов не обошли своим вниманием российские контакты Масарика и изучение им российской проблематики. Причем наибольший интерес из всех его посвященных России работ в научных кругах межвоенной Чехосло-

вакии вызвали два первых тома «России и Европы». Именно эта книга Масарика, по мнению чешских исследователей, была из всех его работ, изданных до Первой мировой войны, наиболее читаема в Европе, а объяснялась такая ее популярность, прежде всего, тем, что Масарик оказался лучшим из всех европейцев знатоком России.

Наиболее четко эту ставшую общепринятой для чехословацкой историографии 1920-х гг. XX в. позицию высказал в свое время Я. Гербен²⁴. В значительной мере репутация знатока России укрепилась за Масариком и благодаря появлению в 1925 г. его книги «Мировая революция» («Světová revoluce»), где тоже было уделено значительное внимание российской тематике.

В годы президентства Масарика было опубликовано множество книг и статей, в которых подчеркивался его интерес к России²⁵. Для подавляющего большинства из них общим стало основанное на высказываниях самого Масарика утверждение, что он занимал русофильскую позицию, но русофильство его не было «слепым», он любил Россию, ее народ и ее культуру, прекрасно сознавая при этом все недостатки российского общества и государства²⁶.

Из ряда написанных в общем хвалебном духе книг и статей стоит, пожалуй, особо выделить работу И. Горака «Т.Г. Масарик и славянские литературы», автор которой рассмотрел развитие взглядов Масарика от «Славянофильства Ивана Васильевича Киреевского» до «России и Европы»²⁷. Ценность этого произведения заключается в том, что Горак не только констатировал важность использования российской тематики для анализа взглядов Масарика вообще, но и наглядно продемонстрировал ее, например, сопоставив религиозные идеи Масарика с воззрениями Достоевского и Толстого.

Нельзя не отметить, что именно отношение Масарика к двум великим русским писателям стало самым популярным аспектом в теме «Масарик и Россия» для исследователей 20–30-х годов. Практически все обращавшиеся к проблеме «Масарик и Толстой»²⁸ непременно останавливались на их разногласиях по поводу «непротивления злу насилием», о которых подробно и неоднократно говорил и сам Масарик. Конечно, особый интерес вызывала тема личных встреч и переписки Масарика с Толстым, которая привлекала внимание не только чешских исследователей жизни и деятельности первого чехословацкого президента, но и представителей русской эмиграции. Из эмигрантских работ по этой теме представляют особый интерес статьи А. Павлова, который не только обратился к проблеме взаимоотношений Масарика и Толстого²⁹, но и провел серьезный сравнительный анализ их взглядов³⁰.

Эмигранты из России, нашедшие после революции приют в Чехословакии, уделили в своих исследованиях значительное внимание личности Масарика и, прежде всего, теме его отношения к России, особенно к русской культуре. Взгляды Масарика получили в их работах оценку, которая в целом была выдержана в духе, свойственном и чехословацкой историографии того времени. А в области славянского литературоведения близость приоритетных тем и оценок между чешскими учеными и представителями русской эмиграции была так велика, что М. Заградка, например, считает, что более точно следует говорить не о чешской и русской науке в Чехословакии того времени, а вообще о славистике, развивавшейся на территории Чехословакии в 20–30-е гг. XX века³¹.

Б. Соколов³², С. Завадский³³, П. Милюков³⁴, А. Павлов³⁵, давая высокую оценку взглядам и личности чешского мыслителя, подчеркивали его знание России и его русофильство, лишенное романтической увлеченности. Не ограничиваясь лишь проблемой встреч Масарика с Толстым, представители «русского зарубежья» внесли свой вклад в изучение российских контактов будущего президента и отражения его деятельности в российской периодической печати³⁶.

Значительная часть эмигрантов из России была о Масарике не менее высокого мнения, чем представители чешской науки и искусства, и это объяснялось как несомненными личными достоинствами этого ученого и политического деятеля, так и той ролью, которую он сыграл в знаменитой «русской акции» правительства Чехословакии. Именно в этой стране люди, покинувшие Россию, нашли не только приют, но и возможность получать образование, продолжать свою научную работу, заниматься творчеством, о чем много написано в последние годы как чешскими, так и российскими исследователями³⁷.

Русские эмигранты были благодарны Масарику как человеку, который «подошел к русскому зарубежному горю и нужде не только как сильный защитник и покровитель, но и как чуткий друг и ценитель»³⁸. Высоко оценивали эмигранты из России личность Масарика и в своих мемуарах³⁹.

Стоит ли удивляться, что резкая критика в адрес Масарика со стороны русских эмигрантов раздалась не в Праге, а в Париже. Вышедшая здесь в издательстве «Град Китеж» книга В. Лазаревского противостояла многому из того, что писалось в Праге. В предисловии к этому изданию В. Шульгин называл Масарика человеком, подвергшим Россию публичному бичеванию, и подчеркивал, что «писания профессора Масарика по поводу России заслуживают суровейшего отпора»⁴⁰. В. Лазаревский полемизировал в своей книге с «Мировой революцией» Масарика, считая недоказуемым положение, что правительство Российской империи не желало освобождения чехов и словаков от власти Австро-Венгрии⁴¹. Произведение «Россия и Европа» было, по его мнению, одним из лучших источников ознакомления со взглядами Масарика, причем источником, который никак не мог расположить в пользу своего автора ни одного русского патриота. Критика Лазаревским «России и Европы» носила более политический, чем научный характер, в качестве недостатков этой книги указывалось отрицание автором самодержавия и православия, что объявлялось проявлением германофильства⁴².

Совершенно иной характер носили статьи А. Павлова и Б. Яковенко. В них труду «Россия и Европа» была дана довольно высокая оценка, причем оба автора обратились именно к научному анализу идей Масарика. А. Павлов подчеркивал, что книга Масарика имела несомненные преимущества перед близкими по теме работами российских авторов, «Историей русской общественной мысли» Иванова-Разумника и «Историей русской интеллигенции» Овсяннико-Куликовского, благодаря тому, что он в не меньшей степени, чем к развитию русского, обращался и к развитию европейского мышления⁴³. Несомненное достоинство статьи Павлова состоит, на наш взгляд, в стремлении сравнить исследовательские методы Масарика с подходами к аналогичной тематике его российских коллег и современников. Что касается статьи Б. Яковенко, то он, давая «России и Европе» общую высокую оценку, отмечал и ее недостатки, прежде всего недооценку Масариком некоторых российских религиозных мыслителей. Яковенко подчеркивал, что «Россия и Европа» стала выражением философского кредо Масарика, а не только его взглядов на Россию⁴⁴.

Но наибольшее внимание как чешских исследователей, так и представителей русской эмиграции, в 1920–1930-е гг. XX в. привлекала тема «Масарик и Достоевский». Ей было посвящено множество публикаций, центральное место среди которых заняли работы И. Горака⁴⁵ и Я. Громадски⁴⁶. Такой интерес был вполне объясним, поскольку творчество Ф.М. Достоевского в анализе Масариком российской проблематики занимало особое место.

Статья Горака была интересна, прежде всего, тем, что давала наиболее полное на тот момент представление об эволюции взглядов Масарика на Достоевского, по-

скольку ее автор имел доступ к рукописи неопубликованного тогда третьего тома «России и Европы». Он подробно останавливался на аналогиях между двумя мыслителями и пытался понять, как постепенно сходство все более отступало перед различиями.

Громадка также отметил, что взгляды Масарика на Достоевского претерпели с течением времени серьезные изменения, но этой проблеме он уделил существенно меньше внимания, сосредоточившись на анализе и сопоставлении идей Масарика и Достоевского как религиозных мыслителей.

Тема «Масарик и Достоевский» продолжала привлекать к себе внимание исследователей до конца 30-х гг.⁴⁷, причем нередко авторы различных статей возвращались к работам Горака и Громадки, стремясь то донести их идеи до широкого круга читателей, то завязать с ними дискуссию. Такой интерес к восприятию Масариком творчества Достоевского был связан как с заметным изменением с течением времени взглядов Масарика на русского писателя, так и с тем, что его размышления оказали влияние на более поздних исследователей. М. Заградка отмечает, например, что под влиянием работ Масарика, посвященных проблеме титанизма⁴⁸, А. Бем внес новые мотивы в свое осмысление творчества Пушкина и Достоевского⁴⁹.

Нельзя не отметить, что влияние и известность такой яркой личности, как Т.Г. Масарик, не ограничились лишь одной страной. Его работы, посвященные различным вопросам истории, философии, культуры, политики, неоднократно издавались в славянских странах, а также в США, Великобритании, Германии, Франции и других государствах⁵⁰. Об интересе к личности и наследию Масарика со стороны не только чешских, но и многочисленных зарубежных исследователей свидетельствуют работы, посвященные его жизни, идеям и книгам, выходящие в разных странах мира⁵¹.

Что касается чехословацкой историографии, то после 1938, 1948 и 1968 гг., под влиянием политических обстоятельств, имя Масарика несколько забылось. Первым драматическим поворотом в оценке личности и деятельности Масарика стал 1938 год. Именно тогда до предела накалились чешско-немецкие отношения, бывшие весьма сложными из-за проблемы немецкого национального меньшинства в Чехословакии⁵².

Масарик считался человеком, внесшим огромный вклад в разработку и реализацию чешской национальной идеи, и к тому же именно он с 1918 по 1935 гг. возглавлял государство, национальная политика которого не устраивала немцев. Поэтому неудивительно, что в оккупированной в марте 1939 г. Чехословакии о Масарике можно было говорить лишь в духе изданной в Германии книги Г. Зарнова, обвинявшего Масарика в «циничной фальсификации» истории борьбы чехов и словаков за государственную независимость и характеризовавшего его политику как гибельную⁵³.

И лишь после освобождения Чехословакии от немецких оккупантов Масарику начинает постепенно «возвращаться» его репутация выдающегося ученого и политика, а также знатока России⁵⁴.

Примечания

¹ *Nejedlý Z.* T.G. Masaryk. Praha, 1930; Ненашева З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в н. XX в. М., 1984; Серапионова Е.П. Томаш Гарриг Масарик // Пленники национальной идеи. М., 1993.

² *Beneš E.* Věrní masarykovým idealum // Beneš E. Živý odkaz TGM. Projevy 1937-1947 г. Praha, 1997. S. 59; Beneš E. I v nove republice plnime veliký odkaz masarykuv // Beneš E. Živý odkaz TGM... S. 66.

³ *Měštan A.* Masaryk on Tolstoj and Gorky // T.G. Masaryk (1850–1937). London, 1990. Vol. 3: Statesman and Cultural Force. S. 158; *Порочкина И.М.* Славянская проблематика в интерпретации Т.Г. Масарика – философа и политика // Т.Г. Масарик. К 150-й годовщине со дня рождения. СПб., 2000. С. 5.

⁴ *Masaryk T.G.* Ke sporu rusko-polskému // «Čas». 1891. Č. 14. S. 223–224, Č. 15, S. 236–240.

⁵ *Z řeči říšského poslance T.G. Masaryka ve Strakonících* // Čas. 1891. Č. 39. S. 623.

⁶ *Masaryk T.G.* Studie o F.M. Dostojevském. Praha, 1932.

- ⁷ *Doubek V.* Filosofie dějin - Rusko a Evropa III // Masarykův sborník VIII. Praha, 1993. S. 80; Ediční poznámka ke vzniku masarykova díla Rusko a Evropa // Masaryk T.G. Rusko a Evropa. Praha, 1996. D. III. S. 417.
- ⁸ *Masarík T.G.* О большевизме. Прага, 1921.
- ⁹ *Masaryk T.G.* Das neue Europa. Berlin, 1922.
- ¹⁰ *Masarík T.G.* Славяне после войны. Прага, 1923.
- ¹¹ *Masarík T.G.* Мировая революция. Прага, 1926. Т. I.; 1927. Т. II.
- ¹² *Ludwig E.* Gespräche mit Masaryk. Denker und Staatsmann. Amsterdam, 1935.
- ¹³ *Мартельянова В.* Примечания // Чапек К. Беседы с Т.Г. Масариком. М., 2000. С. 265.
- ¹⁴ *Hajek J.* Čim je pro nas T.G. Masaryk dnes // Masarykův sborník VII. TGM a naše současnost. Praha, 1992. S. 28–38; *Шерлаимова С.А.* Т.Г. Масарик и литература // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 254.
- ¹⁵ *Nejedlý Z.* T.G. Masaryk. Praha, 1930. Kn. I. S. 14.
- ¹⁶ T.G. Masarykovi k šedesátim narozeninám. Praha, 1910.
- ¹⁷ *Veleminský.* Slovanské studie Masarykovy // T.G. Masarykovi k šedesátim narozeninám. S. 42, 48.
- ¹⁸ *Schauer H.G.* О Masarykovych «Slovanskych studiich» // Masarykův sborník. Praha, 1925. R.I. S. 277–278.
- ¹⁹ *Odstrčil B.* T.G. Masaryk jako politik // Masaryk osvoboditel. Praha, 1920. S. 158.
- ²⁰ *Škrach V.* T.G. Masaryk. Praha, 1930. S. 31.
- ²¹ *T.G. Masarík.* Юбилейный сборник по поводу восьмидесятилетия со дня его рождения. Ужгород, 1930. С. 5.
- ²² *Krofta K.* Masaryk und unser politisches Programm // Masaryk – Staatsmann und Denker. Prag, 1930. S. 25–50; *Křepel F.* Der erfolgreichste Politiker Zentraleuropas // Masaryk – Staatsmann und Denker. S. 66–69; *Papoušek J.* Masaryk v Rusku // Masaryk osvoboditel. S. 213–232; *Sychrava L.* Masarykovo revoluční dílo na evropském zapade // Masaryk osvoboditel. S. 163–211.
- ²³ Подробнее см.: *Чиняева Е.В.* Чехословацкая историография об общественно-политической деятельности Т.Г. Масарика в н. XX в. // Вестник МГУ. Серия История. 1990. № 3. С. 15–21.
- ²⁴ *Herben J.* Tomáš G. Masaryk. Nástin životopisný // Masaryk osvoboditel. S. 81.
- ²⁵ *Fraenkl P.* Masaryk a literatura. 1930. S. 11–30; *Pitter P.* Chelčický, Tolstoj, Masaryk. Praha, 1930. S. 22–30; *Slavik J.* Methoda v knize Rosko a Evropa // Vůdce generaci. Praha, 1930–1931 D. II. S. 282–286; *Slavik J.* Masarykovo dílo Rusko a Evropa a bolševická revoluce // Slovansky přehled. 1930. Roč XXII. S. 100–105; *Papoušek J.* T.G. Masaryk und das Slaventum // Slavische Rundschau. 1930. № 3. S. 172; *Bidlo J.* Masarykovy studie Ruska // Sborník přednášek o T.G. Masarykovi. Praha, 1931. S. 161–175; *Zatloukal J.* Masaryk a Rusko. Brno, 1930. S. 3–24.
- ²⁶ *Doležal J.* Masarykova cesta životem. Brno, 1921. D. II. S. 95–106; *Černý A.* Masaryk a slovanstvo. Praha, 1921. S. 36–44; *Радль Э., Томаш Г.* Масарик. Его жизнь, общественная и научная деятельность. Прага, 1921. С. 67–75; *Herben J.* T.G. Masaryk. Praha, 1926–1927. D. I–III; *Weingart M.* Masarykovo slovanství a slovanská filologie. Praha, 1935. S. 10–29.
- ²⁷ *Horák J.* T.G. Masaryk a slovanské literatury. Praha, 1931.
- ²⁸ *Doležal J.* Masarykova cesta životem. D. II. S. 95–97; *Horak J.* Masaryk und die slavischen Literaturen // Masaryk – Staatsmann und Denker. S. 141–142; *Zatloukal J.* Masaryk a Rusko. S. 3–5.
- ²⁹ *Pavlov A.* T.G. Masaryk a ruská filosofie (L.N. Tolstoj, F.M. Dostojevskij a j.). Praha, 1936. S. 12–31.
- ³⁰ *Pavlov A.* L.N. Tolstoj und T.G. Masaryk // Wiener slavistischen Jahrbuch. 1955. B. IV. S. 68–82.
- ³¹ *Заградка М.* О деятельности русских литературоведов в межвоенной Чехословакии // Славяноведение. 1994. № 5. С. 85.
- ³² *Соколов Б.* Предисловие // Радль Э. Томаш Г. Масарик... С. 4–8.
- ³³ *Завадский С.В.* Жизнь и дело Т.Г. Масарика. Прага, 1925. С. 23–39.
- ³⁴ *Miljukov P.N.* Masaryk a Beneš. Praha, 1936; *Miljukov P.N.* Masaryk jako historik ruske inteligence // Vůdce generaci. D. II. S. 363–366.
- ³⁵ *Павлов А.* Т.Г. Масарик как философ демократизма. Прага, 1928. С. 3–10.
- ³⁶ *Vergun D.* Setkání prof. T.G. Masaryka s ruskými neoslavisty // Zahraniční rusové Československu. Praha, 1928. S. 137–140; *Медведецкий Г.* Т.Г. Масарик и его культурные связи с русскими учеными и писателями. Кошицы, 1930. С. 5–13; *Tukalevskij V.* Masaryk v ruskem tisku // Slovansky přehled. 1930. R. XXII. S. 105–111.
- ³⁷ *Павлова Т.Ф.* Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11; *Сладек З.* Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской акции» // Славяноведение. 1993. № 4; *Заградка М.* Научные труды русского народного университета в Праге // Вопросы литературы. 1993. № 1; *Кишкин Л.С.* Русские эмигранты в Праге: культурная жизнь (1920–1930-е гг.) // Славяноведение. 1995. № 4; *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е гг.) М., 1995; *Кишкин Л.С.* Русские эмигранты в Праге: печать, образование, гуманитарные науки (1920–1930-е гг.) // Славяноведение. 1996. № 4; *Кишкин Л.С.* Русские эмигранты в Праге: поэты, прозаики, мемуаристы (1920–1930-е гг.) // Славяноведение. 1998. № 4; *Маслов В.* Назовите это чудом. Первая волна русской научной эмиграции в Чехословакии // Поиск. 2000. № 18.

- ³⁸ Из речи профессора А.С. Ломшакова – Председателя Объединения Русских Эмигрантских Организаций в ЧСР // Памяти Т.Г. Масарика. Прага, 1937. С. 9.
- ³⁹ *Мейснер Д.И.* Миражи и действительность. М., 1966. С. 131–133; *Миллоков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 158, 161, 310; *Сорокин П.А.* Дальняя дорога. М., 1992. С. 90, 145.
- ⁴⁰ *Шульгин В.* Предисловие // Лазаревский В. Россия и Чехословацкое возрождение: Очерк чешско-русских отношений. 1914–1918. Париж, 1927. С. 7–11.
- ⁴¹ *Лазаревский В.* Россия и Чехословацкое возрождение... С. 163.
- ⁴² Там же. С. 72–73.
- ⁴³ *Pavlov A.* Die Grundzüge von T.G. Masaryks Werk «Russland und Europa» // *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven.* 1934. Bd. X. Heft 3–4. S. 518.
- ⁴⁴ *Jakowenko B.* Masaryk und die russische Philosophie // *Festschrift T.G. Masaryk zum 80. Geburtstag.* Bonn, 1930. Teil II. S. 105–119.
- ⁴⁵ *Horák J.* Masaryk a Dostojevskij. Praha, 1931.
- ⁴⁶ *Hromádka J.* Dostojevskij a Masaryk. Praha, 1931.
- ⁴⁷ *Чижевский Д.* Масарик и Достоевский // *Центральная Европа.* 1931. № 2. С. 87–92; *Бем А.* Масарик – критик Достоевского // *Центральная Европа.* 1932. № 8, 9. С. 424–431; *Eisner P.* Masaryk a Dostojevskij // *Naše doba.* 1938. S. 333–336; *Goetz F.* Dostojevskij a Masaryk // *Vůdce generaci.* D. II. S. 298–304; *Pavlov A.* T.G. Masaryk a ruská filosofie... S. 3–8.
- ⁴⁸ *Масарик Т.Г.* Мое отношение к Гёте // *Науч. тр. рус. нар. ун-та в Праге.* 1933. Т. V; *Masaryk T.G.* Moderní člověk a náboženství: moderní titanizmus // *Naše doba.* Roč. V. 1898.
- ⁴⁹ *Заградка М.* Научные труды... С. 344; *Заградка М.* О деятельности... С. 80–85.
- ⁵⁰ *T.G. Masaryk.* Bibliografie k životu a dílu I. Knižní a jiné samostatně publikované práce TGM. Praha, 1992.
- ⁵¹ *T.G. Masaryk.* Bibliografie k životu a dílu II. Knižní a jiné samostatně publikované práce o životě a díle TGM. Praha, 1994.
- ⁵² См. об этом: *Сератионова Е.П.* Чешские земли, чехи и немецкий вопрос (1918–1945 годы) // *Славяноведение.* 2000. № 5. С. 43–51; *Станков Н.Н.* Чехословакия, Германия и немецко-богемский вопрос в 1919 г. // *Версаль и новая Восточная Европа.* С. 187–210.
- ⁵³ *Zarnow G.* Masaryk – Benesch. Philosophen. Abenteurer. Staatsgründer. Dortmund; Berlin, 1939. Более подробно этот вопрос освещается в уже упоминавшейся статье: *Чиняева Е.В.* Чехословацкая историография об общественно-политической деятельности Т.Г. Масарика в н. XX в.
- ⁵⁴ *Jirásek J.* Rusko a my. Dějiny vztahů československo-ruských od roku 1894 do roku 1914. 1945. D. IV. S. 6–9, 98–114, 210–212, 243.

Т.И. ИВАНОВА

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДИАЛОГ»: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ (2001–2004 гг.)

Мысль, высказанная В. Брандтом почти четверть века назад, – «международное сотрудничество имеет слишком большое значение, чтобы его можно было доверить только правительствам», несмотря на произошедшие изменения, не только не устарела, но и приобрела еще большую актуальность. Одним из авторитетных институтов, способствующих расширению государственных и негосударственных форм взаимодействия России и Германии, является российско-германский форум «Петербургский диалог», который отметит в 2010 году свой десятилетний юбилей. Аналогом для него послужили германо-британские «Кенигсвинтерские встречи» (1950): открытый диалог гражданских обществ двух стран. В свою очередь, В. Путин на встрече в Веймаре в 2002 году предложил развивать германо-российские связи на основе «принципов и «духа Рапалло», предполагавших интенсивное взаимовыгодное межгосударственное сотрудничество.

1990-е годы XX века во многом стали рубежными для ФРГ и Российской Федерации, когда существенным образом изменилось их геостратегическое и внутреннее положение, послужившее основой для корректировки германской и российской внешней политики, которая не могла не затрагивать отношений между странами. Как по-казывает политическая практика, выстраивание двусторонних отношений, тем более